

Уладзімір
Гаўрыловіч

Мроза

Возвращение

Рассказ

*25-летию Чернобыльской
трагедии посвящается*

Старый Стёпчик украдкой брал в больничной столовке кусочки хлеба, чаще объедки, и также незаметно от докторов и больных ночью осторожно прятал их за батарею — сушил сухари. При этом сожалел, что начал собирать поздно — скоро выпишут, а дорога его ждет неблизкая, хватило бы... Сейчас он хорошо ощущал, что лечение пошло на пользу и что он постепенно возвращается к жизни, к той жизни, к какой ему не хотелось возвращаться... Ведь своего угла Стёпчик уже не имел, а к дочке, к зятю дороги ему нет. Поэтому и решился... Ведь уже не мог больше терпеть надругательства над собой.

Над кем только издеваются?

Над ним, Стёпчиком? Над тем, кто еще, кажется, так недавно сидел в президиумах в области, в республике? Дорожили же некогда им люди, уважали, потому что работал не покладая рук. Героя труда ни за что не дадут. Довели, родные... Однажды так измотали душу, что рука сама потянулась за веревкой... Но не дали, не успел... Потому и в больнице. А так уже был бы там, где жена. Может, было бы и лучше. Для них... И для себя...

И сейчас, ночами темными, неудобными, думал, как добраться домой — туда, в зону, к жене Полине и сыночку Васильку. Лежат, родненькие, на погосте, где голоса человеческие услышишь разве только на Радуницу, ждут

его. Сыночка они ведь не уберегли с Полей: утонул в Припяти — восемь годков только исполнилось. А Ирину, дочку, уже потом «нашли», через хороший десяток лет. Пестовали позднее чадо, как могли, даже кашлянуть лишний разок не давали. Выучили, сдается, в люди вывели. В уважении купается сегодня и зять — оба немалое районное начальство... Родители не могли нарадоваться счастьем дочери.

Но порушилось все сразу — угасла Поля. За сутки. Определили врачи — от сердечной недостаточности. Хоронить повезли — просилась же на смертном одре — домой. В снах — редкими раньше и цепкими сейчас — Полина часто ссорилась с ним (хотя при жизни никогда такого не было), настаивала на своем: не возражай детям, сдюжь, недолго тебе осталось!.. Но как же, думал старик, проснувшись, терпеть, когда ты — словно и не человек в дочкиной семье, а скотина какая-то?.. Нет, Поля, спорил в мыслях с женой Стёпчик, подожди, ты же не все еще знаешь. Вот будем вместе, обо всем расскажу: уже ведь три годочка, как без тебя. (Ирине про Радуну даже не вспоминай — тут ли, кричит, радиации тебе мало!..) Нет, не так теперь всё у старика старого Стёпчика, как надо, как должно быть у людей его возраста!..

Ирина, их с Полей дочь, на людях вела себя прилично. В больницу звонила часто. Отведывала же отца-старика как по графику — в четверг. Говорила, что до обеда у нее почему-то свободное окошко. На тумбочку всегда клала три яблока, твердые, как камень — где только находила такие?

При соседу была разговорчивая, любезная, рассказывала, что дома все хорошо, что дорогой внучек передает деду привет.

«Дорогой...». За три года, как старик живет в городе у дочери, он так и не сблизился с внуком. Сколько ни пытался поговорить с ним — восьмиклассником, Жора отмахивался, как от надоедливой мухи: «Отцепись, дед, не до тебя!..» Зять — не маленький районный руководитель и величайшая язва, — как и внук, не был в больнице ни разу.

Дочка обычно сидела около него не более трех минут, а затем шла к врачам с большим, так было каждый раз, целлофановым пакетом. Возвращалась из ординаторской веселой. Он видел — даже чуть подвыпившей. «Пока еще тебя не выписывают... Подлечиться надо...». И так уже шесть недель. Ужас как надоела эта больница старому — одному ему, конечно, как? И вознамерился он убежать отсюда. Потому и сушил сухари за батареей. На дорогу. «Без денег и, разумеется, пехотой надо будет добираться! А разве дойдешь так, голодным — какую-то росинку да надо бросать в рот!»

И вот после того, как его последний раз навестила дочка, на вечернем обходе молоденькая врачиха сообщила: «Все, дед Вася. Завтра идем на выписку. Ирина Васильевна выбила для вас комнату в пансионате для ветеранов войны — завтра и поедете. Там лес, природа — настоящая сказка. И не думайте о плохом раньше времени — вы еще крепенький, дедушка...»

Он — побледнел, но не показал растерянности и удивления, даже бро-

всю не повел. Через силу улыбнулся **доктору**, вроде и действительно знал **обо** всем, наигранно порадовался: «**Вот же** и хорошо. Что мне, старику, **важно**... Только не бойся, доченька, за **меня**, теперь буду себя смотреть. Но **выпиши**, пожалуйста, сегодня. Пойду, **позабавлюсь** с внуком, заночую дома. **А** завтра поутру и уедем с Ириной в **тот санаторий**».

Доверчивая доктор уважила **старика**. Выписала. Санитарка принесла еще крепкий черный его пиджак, **такие же** хлопчатобумажные штаны, **байковую** в клетку сорочку, зимние **ботинки**, в каких его везли в больницу. Шапки и куртки не было, остались в **квартире** дочери, но ничего, на **улице** бурно вступала в свои права весна. Платок с сухарями взял уже с **тумбочки**, куда его положил, пока доктор **выписала** соответствующие бумажки. Постарался взять себя в руки, **замечив**: дрожат как назло изменницы. Но **ничего**, обошлось, никто ничего ни **заметил**.

...Его не выпускали на улицу словно целую вечность. Догадывался: всё **благодаря** ласке родной дочери. Сейчас Стёпчик на полные груди хватал, словно торопился утолить жажду, **весенний** прозрачный воздух. А обида на дочку, палящая, с горечью, на **свободе** вроде уже и убывала, отступала. Весна же, в самой силе весна! Он **любил** ее, как мать, как жену, искренне, **преданно**... Но и переживал: провел доверчивую **врачиху**, как бы только не попало ей за это... Однако вскоре **забыл** о ней: все способствует, чтобы **добраться** до родимой земельки. Что-

бы поклониться ей, чтобы остаться и свой последний миг встретить там, где Поля, сынок... А пока, раз **живется**, так надо жить.

Волнение, однако, не проходило. Солнце тем временем садилось за лес, к которому вышел из города. Дорога была пустая — ни одной машины, ни с города, ни в город. Он, впрочем, и не надеялся на них. Старик шел, не **озираясь**, не останавливаясь, хотя ноги у него очень разболелись. Засиделся в больнице без движения — вот и **болят**, так рассудил. Однако шел вперед. И замедлил шаг только тогда, когда город остался уже совсем **позади**, далеко утонул в вечерней дымке, **наплывавшей** на лес. Пожалел все же теперь, что не зашел на вокзал: там, в **закутках**, за рынком, можно было подобрать **пластмассовую** бутылку и набрать из колонки воды, а в **дороге** без воды хуже, чем без хлеба. Но, **рассудил**, если бы завернул туда, кто **гарантировал** бы: вдруг встретил **какого-нибудь** «доброжелателя» и тот позвонил бы Ирине. Город — почти та же **деревня**. Нет, правильно сделал, что не зашел! Потерпит. Или попьет из какой канавы...

Не услышал, занятый мыслями, как по дороге из города его нагнал «МАЗ». Машина вдруг остановилась. Когда старик испуганно оглянулся, то **увидел** через открывшуюся дверь **рыжую** лохматую голову в кабине:

— Куда, отец, путь держим?.. Садись, **подвезу**.

— Дай же Боже тебе, **человече**, здоровья и детишек таких, как сам, — **сказал** Стёпчик. — Но у меня, сынок, **нечем** заплатить. А иду вот жену и

сыночка проведать. В дальний район. Под Чернобыль. Там они на складах лежат...

— Ого, куда собрался. Крепец, по-видимому, когда еще пехотой шпаришь. Давай, батя, котомку свою и влезай в кабину. Никто же у тебя о деньгах не спрашивает. Я под Киев еду. Считай — по дороге...

Подал котомку, взобрался. Везет ему, Стёпчику, сегодня! Это же сколько тех часов в дороге — и почти будет дома! Что-что, а дорогу он знает, и деревня сразу за постом милиции, который обойдет, знал, где...

Шофер был еще молодым, годков тридцати, как определил Стёпчик, попался не особо разговорчивый, не лез с расспросами и всю дорогу крутил свой магнитофон. Старик попросил воды, и Федор (так шофер назвался) показал на литровые бутылки иностранной минералки: «Пей, батя, сколько душе угодно...»

Таких бутылок старик видел много, покупала их Ирина последнее время часто. Но он боялся налить себе стакан: чтобы чего не сказали. Пил из крана. А вода из бутылки оказалась вкусная, словно родниковая.

Старик немного вздремнул. Дремота, однако, была беспокойная. Вперемешку с такими мыслями: дочери, конечно, сюрприз перед Пасхой подкинул. Но уже и другого для себя выхода не видел.

Очнулся, когда Федор убавил скорость, завернул машину в придорожную деревню. Остановились у красивого, по-видимому, недавно построенного коттеджа. Федор, словно заговорщик, улыбнулся:

— Ну что, отец, приехали. Тут переночуем, а на рассвете поедem по-дальше.

— Нет, сынок, я пойду себе, работа только... — старик взял с сидения свою котомку в одну руку, второй обеспокоенно начал искать дрожащими пальцами ручку, чтобы открыть дверцу. Однако Федор выпрыгнул из кабины и открыл дверцу с улицы сам. Взял котомку, ненароком осторожно пощупал, посмотрел на Стёпчика и, почему-то, показалось старому, строго сказал:

— Куда я тебя, отец, пушу на ночь глядя? Говорю, переночуем. У сестры, тут живет. И как люди поужинаем.

Если бы рыжий шофер присмотрелся, то увидел бы в глазах старика едва заметную влажную поволоку-пеленку, из-под которой обычно у человека, когда он обижен, выкатываются слезы. Но, грубоват парень, хорошо, что не заметил. И Стёпчик согласился: приглашает же, не надо отказываться. Ведь давно по-человечески ничего не ел. Почему-то снова вспомнились дочкины яблоки, что покупала за его пенсию и приносила в больницу: твердые, терпкие, не проглотить, «витамины» не по его зубам.

Полутру небо было светлое, с едва заметной синевой. Солнце светило ласково и нежно. Его лучи щедро лились в дом через раскрытое окно. Пахло садом.

Анюта, сестра Фёдора, как вышел из пристройки к дому, где послали ему на мягкой кровати, радостно улыбнулась: «Хорошо ли спалось вам, дядя?» Ответил старик, как было: «Хорошо.

Спасибо». Заметил на подоконнике на солнце свою котомку с сухарями. Это **Анюта**, пожалуй, положила туда. **Вчера** забрала у Федора, долго держала в **руках**, почему-то осторожно, словно **дитя**, Стёпчику даже неудобно было. **Ага**, пожалуй, догадалась, что там его **продовольствие** на дорогу. Конечно, **догадалась** женщина.

Анюта была немного младше Федора, накормила их на дорогу куриным бульоном и колдунами с мясом и сметаной — ну, аккуратно такими вкусными, как некогда у его Поли получались.

Так, действительно, с того времени, как не стало жены, не ел старик так вкусно. И сейчас, сидя за столом в чужом доме, вспомнил, как жил у дочери: негоже. Помрачнел, перестал есть. Федор это заметил, сказал: «Надо есть, отец. Когда еще домой попадешь... Хотя, прости, какой там дом, где никто не ждет? Говорил же — один.» «Один», — подтвердил старик. «Да, — вздохнул Федор, — когда человек один — участь его незавидная. Мы вот с сестрой по себе знаем: нельзя человеку одному быть». «Оно то так, — ответил Стёпчик. — Но что поделать? Жизнь такая. Доберусь домой. Схожу к своей супружнице на погост. Может, сколько-нибудь поживу у двоюродной сестры покойницы-жены. Она там, за зоной, недалеко, — уже солгал Стёпчик, не зная зачем. — А тогда...»

Недоговорил, умолк, ведь и сам не знал, что «тогда».

Федор слушал молча. Посмотрел на старика. Пожалуй, заметил, что у того глаза влажные, сдалось, сухо

спросил: «Что, скверно, батя? Сердце? Анюта!..»

Нет, не сухо, подумал Стёпчик. Показалось. И, чтобы не пугать молодых людей, услышав шаги Анюты в сенях, как мог, зачистил: «Да нет, ничего, детки. Войну вспомнил». А дальше уже словно спокойнее, как про что-то далекое-далекое, что вроде и было, и уже не верится, что было: «Голод вспомнил. Концлагерь. Австрию. Людоедов. Они же меня, как и ой много кого, едва не сожрали... Послевоенную разруху вспомнил, как колхозы подымали. Я же тридцать годков колхозом управлял. Деревню дважды отстраивал. Первый раз после войны, восстанавливал из головешек, из чего придется. А после, как разбогатели — из кирпича. А сегодня нет ее, деревни моей: атом проклятый, землей засыпали, попрятали, значит. Потому, Федор, пожалуй, и слеза душу колет. Так что и ты, и Анюта простите меня, старика».

Стёпчик замолчал. Анюта отозвалась первой: «Ничего, Василий Минович, в слезе стыда нет. И я часто плачу. Вот, полгода как мужа схоронила. На мотоцикле разбился. Осталась одна с детишками. Словно былинка в поле. Мы же с Федором — детдомовские. Да что там — не брат он мне совсем. Это для людей, чтобы языки не точили. Любились в молодости. Но, пожалуй, судьба развела. А теперь, как овдовела, узнал, отыскал. Просит: давай сходитья, надо же детей растить. А я людей боюсь: что скажут, только же недавно мужа схоронила. Может, и правда грех: мы же с Лёней хорошо жили».

«Людам языки не завяжешь, — промолвил в ответ Стёпчик. — Кто поймет, а кто и не захочет понять... Наверное, судьба такая у мужа твоего была... Вы ко меня душевно, так и я к вам — тоже, дети. Я же умирать домой иду... Сон видел: Полюшка моя приказала: иди ко мне, хватит тебе среди своих страдать. Оно же так получилось, что после аварии в Чернобыле остался я гол как сокол. И ни кола, ни двора. Деревня, где у меня домишко был — под землей. А коттедж, который уже пенсионером одолел, около самого города был. Уговорила дочка продать. Продал. Деньги — ей. И сразу: не надо ты, отец. Ни дочке, ни зятю, ни внуку. Пенсию прибрали к рукам, три года копейки своей не видел... На работу идут — я на улицу, квартиру на ключ. Так и скитался как собака до вечера лишь бы где. Но кто-то, пожалуй, посрамил дочку. Так зять побил меня. Не выдержал я такого надругательства, хотел руки на себя наложить. Не дали, снова зять побил, и так, что попал я в больницу, аж на два месяца. Докторам сказали, что с лестницы упал... Так что иду в свою сторонку родимую умирать... Я что — пожил... Всякое было: и хорошее — тоже. К чего рассказываю то об этом? — продолжил Стёпчик уже уверенно. — Чтобы знали: в жизни всякое бывает. И люди разные: и скверные, и хорошие. Не обращайтесь на сплетни, когда уже лад меж вами, сходитесь. Живите по-человечески. В любви да радости. И этих сироток смотрите, и еще родите. Одно, может, любить их надо, но пестовать — ни-

когда! Мы же с Полей свою дочку пестовали...

Старик, вздохнув тяжело, встал из-за стола и вышел из дома на улицу. Все трое понимали, что и ему надо побыть наедине с собой, и Федору с Полей: есть такие минуты, только своему подвластные...

...Будили утреннюю тишину петухи. Дымились трубы домов. Хорошо дышалось старику Стёпчику, словно камень с души упал: что значит выговорился...

Он не спеша пошел в сад. Из утреннего прозрачного тумана среди яблонь словно поколыхивался Полин образ. Она, едва уловимая, молодо улыбалась, и слышался Стёпчику ее молодой голос. Пела тихо, задумчиво: «Шумят ивы коло гребли...»

Старик не понял: явь или грезиться? Подался к Полине, но она исчезла, словно растворилась в тумане.

Тут, в саду, и нашли его Федор и Анюта. Стёпчик от неожиданности смутился, возвратился в реальность и, почему-то чувствуя себя неудобно, спросил: «Что, Федор, пора в путь?» «Куда, батька?» — пожал плечами Федор и пристально посмотрел на старика. А Стёпчик от этого «батька» содрогнулся: неожиданное, забытое, какое-то живительное тепло окутало душу. Припомнилось: когда Ирина училась в университете и была той еще доченькой, которую интересовали знания, книги и деньги ей еще не застили свет, произносила: «мой батька...» Почудилось старому: не чужой

человек, Федор, когда так говорит, а словно его сын Василек, который не утонул тогда, а просто на долгие годы куда-то исчез и вот сейчас взрослым возвратился. Встретились.

— Василий Минович, — легко подошла к старику Анюта. Голубые глаза женщины, старик только заметил это, напоминали чистое, светлое, бездонное небо. Стёпчик даже растерялся: Боже, как у молодой его Полины... — Мы хотим вам сказать... Поймите нас, мы с Федей — сироты, родителей своих не знали. Мы... Словом, благословите нас. И будьте нам отцом. Живите с нами. Куда же вы, один одинешенек во всем мире?..

На Радуницу Василь Стёпчик и его приемные дети приехали на Полину могилу и могилу его сына. Старик долго ждал Ирину. Дочка не приехала.

...Сухари, что сушил старик в больнице, хорошо просохшие на солнце, как невидимую доселе смакоту, дня через два уплетали близнецы — Анютка и Миколка, его новые внуки. В молоке размачивали и деду тоже толкали в рот: «Деда, ешь, очень же вкусно!». Стёпчик тоже ел, наблюдал за малыми детьми и все думал: какую же придумать сказку, о каком зайке, который дал ему такое угощение для внуков?

Авторизованный перевод с белорусского.

Хага

Апавяданне

Андрэй сціснуў кулак. Цяжкая цішыня стаяла ў хаце.

«Дробныя, нікчэмныя, паскудныя людзі. Што родная сястра, што яе вывадак... Вунь як вочкі бегаюць у дарагога пляменнічка. Прыцэньваецца, мабыць, колькі возьмуць за бацькоўскую хату...», — саракагадовы хударлявы мужчына сядзеў, аглушаны навіной, за сталом і спінай адчуваў: Нэля і яе двухмятровы бэйбус сверляць яго вачыма, гатовыя да ўсяго, калі ён па-добраму не саступіць.

Камок шкадавання падступіў да горла, калі падняў вочы і паглядзеў на партрэты ў адзін месяц памерлых бацькоў. Ён, як малодшы, пасля арміі прыжаніўся, сюды прывёў сваю Алену. Не склалася аднак у нявесткі з маці, збегла ад яго ў горад. Ён не кінуўся за ёй, не стаў упрошваць. Так і пражыў усё жыццё ў бацькоўскай хаце: бацькі старэлі і ім трэба была дапамога. Нэлька ж раней адведвала іх раз на год, перад Радаўніцай, хаця ж жыла недалёка, у горадзе, дзе займала добрую пасаду. Калі калолі свінчо, бацькі дзялілі на тры часткі: самім, сыну пры іх, і гарадской дачцэ. Бацька званіў, каб прыязджала за свежыной. Апошнія гады Нэлька адпраўляла да старых свайго шафёра...

Андрэй працаваў на трактары ў суседняй вёсцы, але калі бацькі злеглі, зволіўся з калгаса і цэлы год неадступна быў каля старых. Незадоўга да іх смерці наведцаў хворых бацькоў прыязджала сястра. Ён на паўгадзіны

пакінуў бацьку і маці на яе, каб з'ездзіць на веласіпедзе ў сьялмаг, а калі вярнуўся, то заўважыў, як Нэлька хавае ў сумачку нейкія паперы. Яна хуценька развіталася з бацькамі і сіганула за дзверы.

Цяпер ён разумеў, навошта яна прыезджала: аформіць завяшчанне на старэйшага ўнука. І зараз пляменнік, які атрымаў спадчыну, просіць дзядзьку вызваліць хату.

— Што ж, Бог з вамі. Я не буду судзіцца... — у халодных Андрэевых вачах не было злосці, толькі боль і расчараванне. — Я думаў, што маю родную кроў... А памятаеш, Нэлька, як заўсёды навучала нас мама: «Вы — дзве родныя крывіначкі. У гэтым жорсткім свеце нікому да вас не будзе справы, вы зможаце давяраць толькі адзін аднаму. Таму хай ніколі нішто вас не пасварыць. Дапамагайце адзін аднаму ва ўсім».

— Яна была ўшчэрбнай, наша маці. Жыла па-старому. Цяпер усё іначай — цяпер толькі дзеля сябе жывуць людзі... — жорстка адказала сястра ў адказ.

— Маць, да што ты угаворваць будзеш... — пырснуў злосцю і нястрыманай усёпераможнай энергіяй пляменнік. — Табе ж сказана, хата па законе — мая...

Андрэй зразумеў, што калі зараз не пакіне хату сам, яго непакінуць здаравец-пляменнік можа і за шкіркі выкінуць.

— Бог з вамі... — ён устаў, падышоў да шафы. Наверсе ляжаў яго дэмбельскі чамадан.

Мужчына дастаў яго, сцёр пыл, расшпіліў замок. Нетаропка забраў

з шафы і паклаў унутр дзве сарочкі, паджак і туфлі. Пайшоў, не глядзячы на сястру, якая сядзела на ступку пасярод хаты, і пляменніка, што круціўся ля тэлевізара, у кухню. Вярнуўся назад.

— Хоць тэлевізар я купляў, гэта мой падарунак табе, Нэля, да 8 сакавіка... Карыстайся на здароўе. Усім карыстайся... Тваё наступіла права...

Андрэй забраў маленькае люстэрка, прыбор для галення, адэкалон. Прыгожы флакон толькі пазаўчора, якраз 23 лютага, падараваў яму самы дарагі чалавек. Ніна працавала прадаўшчыцай у сьялмазе, сама гадала дзевяцігадовага сына. Ён хацеў парадаваць сястру, што наладзіцца, нарэшце, яго ўласнае жыццё, і так абрадаваўся, калі пабачыў родных на парозе. Пазаўчора ж яны дамовіліся: Ніна стане яго жонкай і пераедзе ў яго хату. А сёння, бачыш як павярнулася, ўсё, атрымаецца іначай: ён са сваёй хаты пойдзе ў прымы. Не судзіцца ж сястрой. Ды і гэта воля бацькоў, мабыць, усё ж яны любілі Нэльку больш свайго крыху непуцёвага сына, што не ўтрымаў у руках жонку, застаўся ля іх... Усё, сабраўся. Сястра маўчала, апусціўшы вочы долу.

Пляменнік пстрыкаў, шукаючы, мабыць, каналаў, не ведаючы, што іх у вёсцы толькі два.

Андрэй быў знешне спакойны, хаця крыўда на бацькоў, на сястру, якой у гэтым жыцці ўсяго было мала, падступалася да горла. Ён разумеў, што трэба хутчэй выйсці на гаючы марозны холад, бо нешта страшнае нараджалася ў яго душы, а ён не дапускаў жудаснай ярасці туды.

А калі не атрымаецца, то наробиць бяды. Гарачы з маладосці, жывучы побач з хворымі бацькамі, ён навучыўся цяперца, стрымлівацца, разумець чужы боль.

Ад напружання пачало дрыжаць усё цела. Аднак прымусіў сябе спыніцца ў парозе, азірнуцца. Ціха прамовіў на развітанне:

— Я не прападу. Толькі цяпер, Нэля, забудзься назаўсёды, што ў цябе быў брат... Памёр разам з маці і бацькам.

Ён не чуў, як сястра, усё ж не камень, расплакалася, калі за ім зачыніліся дзверы.

На жаночы дзень Андрэй, які паспеў паставіць свой трактар у калгасны гараж, адпрасіўся крыху раней дадому. Віцька, пасынак, сёння не хадзіў у школу, цэлы дзень нешта клеіў, майстраваў. Прыгожы домік з запалак дапамог яму пачаць айчыным, і хлопчык так захапіўся гэтай справай, што закончыў рабіць толькі пад вечар.

Цяпер разам яны згатавалі святочную вячэру: насмажылі мяса, зварылі бульбу, зрабілі салат і нават бутэрброды са шпротамі, нарэзалі кілбасы. А на салодкае — па просьбе Андрэя — галоўны інжынер калгаса прывёз шакаладны торт. А яшчэ — цюльпаны. У кішэні мужчыны ляжаў залаты пярсцёнак, які Андрэй купіў для сваёй каханай яшчэ раней, калі жыў адзін у бацькоўскай хаце і спецыяльна адлучаўся ў райцэнтр.

Усё, акрамя бульбы, было на стала. Нінка ж затрымлівалася. Рэйсавы

аўтобус, на якім яна паехала ў горад на нараду перадавікоў, ужо даўно павінен прыйсці. А ад прыпынку — колькі там пешшу да іхняй старэнькай хаты, што дасталася жанчыне ад салдаткі-маці.

Андрэй быў удзячны Ніне. Толькі пабачыла яго збалелыя вочы — і ўсё зразумела... Ні слова не спытала: чаму так надумаўся, без вясельнай вечарыны. Прыйшоў — значыць лёс такі. Яе шчасце, іх сумеснае шчасце і доля. Толькі і сказаў мужчына тады:

— Нэля прыехала. Яна — гаспадыня...

Ноччу Андрэй не мог заснуць, і яна, прачнуўшыся, выпадкова дакранулася да яго твару. Як апякло яе, спалохалася: мужчына ціха плакаў, але хаваў ад яе прычыну свайго болю. І яна цяпер не змагла заснуць да самага золку.

Нарэшце, калі Андрэй і Віцька, стаміўшыся ў чаканні жанчыны, глядзелі па тэлевізары святочны канцэрт, Ніна з'явілася ў парозе.

— Дзе мае мужчыны? Чаму не сустракаюць? У мяне ж такія цяжкія сумкі... — весела паўшчувала. Андрэй ухапіў адну сумку, Віцька другую.

— Мы цябе зачкакаліся, дарагая... — цмокнуў у шчаку сваю абранніцу мужчына і дапамог распрануцца.

— А ў нас так цёпленка... — рассяялася хударлявая Нінка, якая выглядала вельмі прыгожай у новым касцюме-тройцы. — А мне грамату далі. І падарунак... Вось так.

— Віншваем, цябе, так, Віцька! Наша мама — малайчына! — усміхнуўся Андрэй.

— Ага, дзядзя Андрэй. Мама мая прыгожая... І ў нас ёсць ёй падарункі...

Пайшлі, мама, мы і святочны стол накрылі з... Андрэем.

— Калі хочаш сыноч, можаш называць Андрэя татам... — ласкава прамовіла Ніна, ступаючы ў пакой, які служыў і залай, і спальняй адначасова.

— Я... не супраць... калі Андрэй не супраць... — разгубілася дзіця.

— І я не супраць, наш маленькі... — весела сказаў Андрэй.

Хлопчык шчасліва засмяяўся, і пацягнуў маці да стала.

— Тут табе і домік, і торцік, і кветкі. Бачыш, наш тата Андрэй аднекуль прынёс...

— Дзякуй, дарагія мае... — жанчына пацалавала хлопчыка і мужчыну.

Андрэй пачаў адкаркоўваць шампанскае, як раптам стукнуў сабе па лбе.

— Вось, балбес. Я ж галоўнае забыўся... Прабач...

Ён накіраваўся на кухню і праз хвіліну вярнуўся. У руках у мужчыны была чырвоная скрынька.

— Дарагая мая! — усхвалявана прамовіў ён, глядзячы жанчыне ў вочы. — Я нават і не верыў, што Бог пашле мне такое шчасце — каханне. Я хачу прапанаваць табе, Ніна, афіцыйна стаць маёй жонкай і прыняць гэты пярсцёнак як сімвал нашага кахання...

— Божа, Андруша...

— Ура!!! — засакаў малы. — Значыць, вы цяпер на самай справе пажэніцеся!

— Пажэнімся, пажэнімся, жэўжык... — пагладзіла па галаве

сына Ніна і патанула ў абдымках любага чалавека.

— Тады час за стол... — корак ад шампанскага стрэліў у столу, і Андрэй пад шчаслівых ўсмешкі дарагіх яму жанчыны і дзіцяці наліў іскрыстага віна ў келіхі.

Ніна раптам стала засяроджаная, і гэта вельмі здзівіла мужчыну.

— Нешта здарылася, дарагая? — спытаўся ён.

Жанчына нястрымана ўсміхнулася.

— Ат, хацела здзівіць заўтра, не вытрымаю...

Нечакана яна кінулася ў кухню, і праз хвіліну вярнулася з сумачкай. Дастала з яе нейкія паперы. Перадала іх Андрэю.

— Што гэта? — мужчына паставіў келіх, які трымаў у руках, на стол.

— Чытай... У нас цяпер ёсць новая хата. Яна цяпер належыць толькі нам... — радасна паведаміла Ніна.

— Як гэта можа быць... — не верыў сваім вачам мужчына.

— Вельмі проста. На наступны дзень, як ты прыйшоў, я была ў сельсавеце. Сакратарка сказала, што твая сястра ці яе сын прадаюць бацькоўскі дом. Яна прасіла, каб менш людзей ведалі, каб яна падказала таму, хто хоча. А яшчэ сакратар сказала, што ўся вёска абражана такімі паводзінамі тваёй Нэлі: выгнаць цябе са сваёй жа хаты. Таму і прадаюць нядорага, бо сорам людзям у вочы глядзець. А яшчэ ў раёне, начальніца...

— І ты што?

— Я адразу патэлефанавала. Сказала, што хачу купіць хату, бо свая старая, даваенная...

— А Нэля?

— Пяцьсот даляраў... У мяне не было столькі грошай, пазычыла ў сябровак. Учора тваёй сястры з працы пазваніла. Дамовіліся сустрэцца ў горадзе. Тая, нягледзячы на выхадны дзень, знайшла натарыуса. Аформілі за дзесяць хвілін...

— Ну і svolач, сястрыца мая... Думаў, хоць на дачу сабе пакіне, а яна адразу прадаць... — зазваўся Андрэй. — Бога ў яе душы няма!

— Кінь. Грошы — справа нажыўная. Я ж бачу, як ты начамі не спіш, хату сваю шкадуеш... — усміхнулася Ніна.

— Не хату, памяць бацькоў, там маё дзяцінства прайшло...

— Ты б толькі бачыў яе твар, калі я паведаміла, што выходжу за цябе замуж, і што мы будзем цяпер жыць у сваёй хаце... Нэльку ажно плямы пабілі, і мне стала яе шкада, ведаеш..., — абняла Андрэя жанчына. — Яна — няшчасны чалавек.

— Не шкадуй. Усё правільна. Яна зрабіла свой выбар. — Андрэй пацавалаваў жанчыну і звярнуўся да сына:

— Віцька, ты хочаш жыць у новай хаце? Мы заўтра пераязджаем. Я возьму ў калгасе трактар...